

В. А. Томсинов

**Создание
«Полного собрания законов»
и «Свода законов»
Российской империи**

Опубликовано в издании:

Томсинов В. А.

**Юридическое образование и юриспруденция в России
в первой четверти XIX века. М.: Зерцало-М, 2011. С. 237–278.**

Г Л А В А 8.

РАБОТЫ ПО СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ 20-Х – НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XIX ВЕКА. СОЗДАНИЕ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ» И «СВОДА ЗАКОНОВ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§ 1. Планы работ по систематизации законов после вступления на престол Николая I. Создание Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии

Вступление на императорский престол Николая I оказало решающее влияние на ход работ по систематизации российского законодательства. Новый император считал первой своей задачей наведение порядка в государственном управлении. Для решения этой проблемы он полагал необходимым предпринять немедленные и решительные меры к упорядочению действующего законодательства. Спустя несколько дней после своего воцарения, Николай I затребовал у главноуправляющего Комиссией составления законов князя П. В. Лопухина отчет о ее деятельности. Одновременно Его Величество попросил члена Государственного Совета по департаменту законов М. М. Сперанского представить свои мнения о ходе работ по систематизации российского законодательства в предшествовавшие годы и о том, что надлежит сделать для их завершения в ближайшем будущем.

В начале января 1826 года Сперанский подал государю две записки: «Краткое историческое обозрение Комиссии составления законов» и «Предположения к окончательному составлению законов»¹. В первой из них Михаил Михайлович подвел итоги работ по систематизации законодательства, проводившихся в России с 1700 по 1825 год. Он показал

¹ Тексты этих записок опубликованы с небольшими отклонениями от оригиналов, хранящихся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, в журнале «Русская старина» (1876. Т. 15. № 2. С. 433–444).

главные причины неудач, которые терпели создававшиеся одна за другой на протяжении 125 лет комиссии составления законов. Неудачными были признаны им и те проекты уложений, которые разрабатывались под его руководством или с его участием. Так, он писал о Комиссии составления законов, действовавшей в эпоху правления императора Александра I и продолжавшей формально существовать в начале января 1826 года: «Первое, что состав Комиссии слаб и весьма недостаточен. Второе, что все ее произведения, не исключая и тех, кои составлены были с 1808 по 1812 год, представляют одни токмо начатки уложений, а не самые уложения: начатки весьма несовершенные, далеко еще отстоящие от практической их пользы». Однако именно в неудачах Сперанский усматривал главную пользу тех попыток систематизации российского законодательства, которые предпринимались. По его словам, рассмотрение проектов уложений гражданского, торгового и уголовного, «хотя весьма несовершенных, с 1821 г. в Государственном Совете возобновленное, имело *две пользы*: 1) обнаружить их недостатки и показать, сколь неосновательными были представления тех, кои считали все оконченным; 2) оно подало повод к разрешению как в гражданских, так и в уголовных законах весьма важных вопросов».

В записке «Предположения к окончательному составлению законов» Сперанским был изложен план завершения систематизации российского законодательства. Михаил Михайлович предлагал избрать тройкий «образ составления законов», а именно: «1) свод, 2) уложение, 3) учебные книги». При этом под «сводом» им понималось «соединение законов, существующих по какой-либо части, расположенное в известном порядке». «Порядок сей — пояснял он, — бывает или *хронологический*, когда законы слагаются по порядку их издания, невзирая на разность их содержания; или *азбучный*, когда они располагаются по порядку слов; или, наконец, *систематический*, когда они расположены по предметам и по тому же плану, какой принят в Уложении».

«Уложением» Сперанский называл в рассматриваемой записке «систематическое изложение законов по их предметам, так устроенное, чтобы 1) законы общие предшествовали частным, и предыдущие всегда приуготовляли бы точный смысл и разумение последующих; 2) чтоб все законы, по своду недостающие, дополнены были в Уложении и обнимали бы сколь можно более случаев, не нисходя однако же к весьма редким и чрезвычайным подробностям». «Уложения не изобретаются, — отмечал он, — но слагаются из прежних законов с дополнением и исправлением их сообразно нравам, обычаям и действительной потребности государства».

Под «учебной книгой» Сперанский имел в виду «то же самое Уложение, но более методическое и приспособленное к учебному преподаванию в училищах». Помимо «свода», «уложения» и «учебной книги» он выделял еще и четвертый способ систематизации законов — «изъяснения (commentaires)», в которых, по его словам, «излагается разум или основание законов, дается отчет о причинах и необходимости дополнений или перемен, в Уложение введенных, и устанавливается связь их с законами существующими»¹.

На завершение работ по систематизации законодательства Сперанский отводил три года. В качестве первого шага в этом направлении он предлагал доработать прежний проект Гражданского уложения и относившиеся к нему части «Систематического свода существующих законов Российской империи» с соответствующими изъяснениями и представить все это 1 мая 1826 года на обсуждение в Государственный Совет. До конца указанного года должны были, по его замыслу, завершиться труды по составлению судебного гражданского устава и учебной книги гражданских законов.

На начало 1827 года Сперанский планировал рассмотрение проекта Гражданского уложения с соответствовавшими ему сводом, уставом и учебной книгой в Государственном Совете. Одновременно он предполагал «окончить Уголовное Уложение с судебным его уставом и устройством судебных мест» и подготовить «учебную книгу уголовных законов». В течение 1827 года необходимо было, по его плану, составить «полное собрание всех законов».

Ввести в действие Гражданское уложение Сперанский предлагал в 1828 году. На указанный год он относил также обсуждение в Государственном Совете проекта Уголовного уложения, вступление последнего в силу предполагалось, по его плану, в начале следующего года. Кроме того, на 1828 год им назначалось завершение составления полного собрания законов и начало его печатания, составление свода законов «полицейских и хозяйственных».

Критически оценивая деятельность Комиссии составления законов, Сперанский предполагал тем не менее сохранить данный орган в качестве инструмента систематизации законодательства и придатка к Государственному Совету. Он считал целесообразным возложить на указанную Комиссию

¹ *Сперанский М. М.* Предположения к окончательному составлению законов // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее: ОР РНБ). Фонд 731. Ед. хр. 996. Л. 3–4.

составление сводов и подготовку полного собрания законов. Составление же уложений — гражданского и уголовного — Сперанский предлагал поручить «особому лицу, которое бы, состоя в непрерывной связи с Комиссией, производило сию работу под непосредственным надзором законодателя». По всей видимости, Михаил Михайлович имел в виду под этим «особым лицом», призванным составлять проекты уложений под «непосредственным надзором» императора, никого иного, как самого себя.

31 января 1826 года император Николай I издал на имя председателя Государственного Совета князя П. В. Лопухина, в ведении которого находилась Комиссия составления законов, рескрипт, в котором говорилось: «При первоначальном обозрении разных частей государственного управления, обратив особенное внимание на уложение отечественных наших законов, усмотрел Я, что труды, с давних лет по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселе не достигли своей цели. Желая сколь можно более удостоверить успешное их совершение, Я признал нужным принять их в непосредственное Мое ведение. Для сего приказал Я учредить в Собственной Моей Канцелярии особое для них Отделение. Чиновники Комиссии Законов частию войдут в состав сего Отделения, частию получают другое назначение, службе их и способностям соразмерное. Помещение сего Отделения будет в том самом доме, который доселе занимаем был Комиссиею»¹. Главными задачами Второго отделения на ближайшие годы император определил не сочинение новых законов и создание Уложений, но составление сначала полного собрания законов, принятых с 1649 по 1825 год, а затем свода действующих законов Российской империи.

Позднее, объясняя это свое решение, Николай I говорил (в речи, произнесенной в Государственном Совете 19 января 1833 г.): «При самом Моем вступлении на престол Я счел долгом обратить внимание на разные предметы управления, о которых не имел почти никакого сведения. Главным занявшим Меня делом было, естественно, правосудие. Я еще смолоду слышал о недостатках у нас по этой части, о ябеде, о лихоимстве, о несуществовании полных на все законов, или о смешении их от чрезвычайного множества указов, нередко между собою противоречивых. Это побудило Меня, с первых дней Моего правления, рассмотреть состояние, в котором находилась Комиссия, учрежденная для составления законов. К сожалению, представленные сведения удостоверили Меня, что ее тру-

¹ Второе Полное собрание законов Российской империи (далее: 2-ПСЗРИ). Том 1. № 114.

ды оставались почти совершенно бесплодными. Не трудно было открыть причину этому: недостаток результатов происходил главнейшее от того, что всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва основать старые на твердых началах. Это побудило Меня начать, прежде всего, с определения цели, к которой правительство должно направлять свои действия по части законодательства, и из предложенных Мне путей. Я выбрал совершенно противоположный прежним. Вместо сочинения новых законов, Я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют, а самое дело, по его важности, взял в непосредственное Мое руководство, закрыв прежнюю Комиссию»¹.

В литературе, посвященной истории создания «Полного собрания» и «Свода законов» Российской империи, распространенным является мнение о том, что Николай I отверг идею М. М. Сперанского о создании уложений. Его высказывали, в частности, такие историки, как П. М. Майков, С. В. Пахман, А. Н. Филиппов и др.² «Это мнение неверно»³, — считал Е. А. Нефедьев, доказывая, что император своим повелением не сочинять новые законы, но “собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют” всего лишь изменил порядок систематизации, но от составления уложений не отказался. По его словам, порядок, избранный государем, «согласовывался и с воззрениями Сперанского»⁴. В доказательство этого утверждения Нефедьев приводил высказывание Сперанского из «Введения к своду законов гражданских» о том, что 31 января 1826 года «учрежден новый порядок. Все дело разделено на три части: 1) Собрание законов, 2) Своды или приведение законов в порядок и 3) *Составление Уложений*»⁵.

¹ Цит. по: Краткий очерк деятельности Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826–1876. СПб., 1876. С. 1–2.

² По словам С. В. Пахмана, «Государь отстранил, однако, мысль о составлении уложений и остановился на Своде существующих законов с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в их существе» (*Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 429*). См. об этом также: *Майков П. М. О Своде законов Российской империи / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006. С. 4–5*.

³ *Нефедьев Е. А. Причины и цель издания Полного Собрания и Свода Законов с точки зрения Сперанского. (Сообщение, читанное в заседании Казанского Юридического Общества 11 февраля 1889 года.) Казань, 1889. С. 6.*

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Цит. по: Там же. С. 9.

Факты свидетельствуют, что император Николай I на самом деле не отказался от составления уложений. Некоторое время спустя после создания «Свода законов» он поручил Сперанскому исправление законов уголовных. В записке, поданной по этому поводу государю, Михаил Михайлович предложил два пути решения данной проблемы. «Первый путь, — писал он, — есть путь дел текущих. По мере их движения постепенно раскрываются все части управления. Но сие раскрытие медленно и неверно... Второй путь есть отдельное, независимое от дел текущих, обозрение главных предметов, рассмотрение и разрешение тех вопросов, кои прежде были начаты, но не окончены, и кои, в связи государственных дел, составляют самые существенные начала управления». Николай I одобрил второй путь и дал задание Сперанскому составить Уголовное уложение, однако разработанный им проект оказался далеким от совершенства и не был принят Государственным Советом. Разработанный же к 1844 году во Втором отделении «Проект нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» был предназначен, как свидетельствует объяснительная записка к нему, следовать в целом содержанию пятнадцатого тома «Свода законов Российской империи»¹. В 1845 году он был одобрен Государственным Советом и утвержден императором.

Таким образом, хотя Николай I не отказался от составления уложений, на практике он не спешил идти по этому пути в систематизации законодательства. Если же он все же становился на него, как это было в области систематизации уголовного законодательства, то старался придать уложению предельно консервативный характер.

Изданный 31 января 1826 года высочайший указ об учреждении в рамках Собственной Его Императорского Величества канцелярии для осуществления систематизации законодательства особого, названного Вторым, отделения заставил Сперанского внести в план систематизации законодательства серьезные изменения. На основе нового варианта такого плана он составил «Наставление о порядке трудов Отделения». Одновременно в течение февраля–марта 1826 года им была написана целая серия маленьких заметок по различным вопросам юриспруденции для сотрудников Второго отделения, не обладавших достаточными для проведения работ по систематизации законодательства знаниями в об-

¹ Об этом проекте и объяснительной записке к нему более подробно будет рассказано в одной из статей, посвященных развитию русской юриспруденции во второй трети XIX в.

ласти правоведения¹. Подобные заметки Михаил Михайлович писал и позднее — во все то время, пока шла работа над составлением «Полного собрания» и «Свода законов»².

4 апреля 1826 года были проведены назначения сотрудников Второго отделения. На должность начальника этого органа, призванного стать главным инструментом дальнейшей систематизации российского законодательства, Николай I назначил старшего члена бывшей Комиссии составления законов действительного статского советника М. А. Балугьянского³. Михаил Андреевич был хорошо известен государю, поскольку в 1813–1817 годах обучал его — в то время еще великого князя, а также его брата великого князя Михаила Павловича «правам естественному, публичному и народному».

Фактическое же управление Вторым отделением Николай I вверил М. М. Сперанскому, не дав ему при этом никакой официальной должности в данном подразделении своей канцелярии. Этот фактический статус Сперанского был впоследствии отражен в его послужном списке в следующей записи: «В 1826-м году комиссия составления законов преобразована во II-е отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии и работы ее поступили в непосредственное ведение Его Величества, а главное распоряжение ими в отделении и доклады возложены на Сперанского». Правда, Михаил Михайлович являлся членом Государственного совета по департаменту законов, но это звание носил не он один. По фактическому своему положению Сперанский стал главноуправляющим Вторым Отделением: именно так будет официально назван его преемник Д. В. Дашков, которому 14 февраля 1839 года будет вверено «главное управление» делами отделения «на том же основании, на котором управлял оным... Сперанский»⁴.

¹ См.: *Сперанский М. М.* Трактаты по юриспруденции (теория права и гражданское право), написанные для чиновников II отделения С. Е. И. В. канцелярии в связи с составлением Полного собрания законов и Свода законов Российской империи 11–27 марта 1826 г. Черновой автограф и копия, сделанная [Н. М.] Старцовым, с исправлениями М. М. Сперанского и М. А. Корфа // ОР РНБ. Фонд 731. Ед. хр. 953.

² Некоторые из таких заметок были опубликованы в 1858 г. в первой книге «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России» (с. 3–20).

³ См. о нем биографический очерк в издании: *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. Том 1. С. 202–220.

⁴ См.: *Томсинов В. А.* Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 391–392.

Не получив во Втором отделении никакой официальной должности, Сперанский тем не менее стал главным двигателем всей деятельности этого государственного учреждения. В состав своих сотрудников он постарался включить наиболее опытных, образованных людей¹: профессоров Царскосельского лицея А. П. Куницына, В. Е. Клокова, К. И. Арсеньева, М. Г. Плисова, выпускников лицея Д. Н. Замятина, М. А. Корфа, А. Д. Илличевского и др.

§ 2. «Полное собрание законов Российской империи»

Первое заседание Второго отделения С. Е. И. В. канцелярии состоялось 24 апреля 1826 года. Сперанский объявил его сотрудникам о повелении государя немедленно приступить к работам по составлению полного собрания законов, принятых с 1649 года, созданию свода действующих законов Российской империи.

Необходимость составления полного собрания законов сам Сперанский объяснял несколькими причинами.

Во-первых, отмечал он, без предварительного изложения всех законов, принятых в России с 1649 по 1825 год, в хронологическом порядке невозможно было бы выделить действующие законы. «На один и тот же случай представляется 5, 6, 10 законов, в разные времена изданных: какой из них должно считать действующим и какой отмененным? Из сего открылась необходимость разделить все законодательство на периоды, осмотреть каждый период отдельно, и в каждом определить, какие законы в нем были действующими по каждому предмету; чем и как они отменились в последующем периоде; что в нем осталось из предъидущего и что прибавлено вновь, и таким образом довести все до времени настоящего. Следовательно, надлежало составить два свода: один *исторический*, в коем изложены законы со всеми их изменениями, другой *свод законов существующих*»². По мнению Сперанского, в случаях, когда возникнет вопрос о том, почему тот или иной

¹ Состав сотрудников Второго отделения стал официально комплектоваться после издания 4 апреля 1826 г. высочайших указов Правительствующему Сенату и министру финансов. Всего было в штат было зачислено 20 чиновников, тогда как в Комиссии составления законов служило 44 чиновника. На содержание отделения было выделено 37 800 руб. 10 000 руб. предназначалось на приобретение книг. На Комиссию составления законов уходило 95 000 руб. в год.

² *Сперанский М.М.* О существе свода // Русская старина. 1876. № 3. С. 587–588.

закон «поставлен в числе действующих, и точно ли он есть действующий, нет ли другого в отмену?» или же, напротив, спросят о том, почему какой-либо закон «не поставлен в числе действующих, где и когда он отменен?» исторический свод даст ответ. В связи с этим Сперанский называл исторический свод «основанием всему делу»¹. Он считал, что данный свод, то есть полное собрание законов в хронологическом порядке, составить труднее свода действующих законов, но последний, по его словам, «дельнее, полезнее для употребления. Первый представляет, как законы наши образовались, возрастали, изменялись; а последний представляет то, что в них осталось и есть неизменно»².

Во-вторых, Сперанский видел в полном собрании законов необходимое пособие для разъяснения смысла действующих законодательных актов. Законы прежних лет, писал он в предисловии к первому тому «Полного собрания законов Российской империи», «оставаясь рассеянными во множестве отдельных собраний, не имеющих ни полноты, ни достоверности, представляют в употреблении и приложении их к делам, не только для частных лиц, но и для Присутственных мест, почти ежедневные и тем важнейшие затруднения, что самые новые и всем известные Законы часто ссылаются на Законы прежние, и часто сила их не может быть с точностию определена как токмо соображением их с первыми. Надлежало положить конец сим затруднениям, и сие было первым побуждением к соединению всех Законов в одно собрание полное и достоверное»³.

По инициативе Сперанского каждая статья свода действующих законов была снабжена указанием на соответствующее узаконение из «Полного собрания законов». «Сии указания нужны, — отмечал Сперанский, — не только для того, чтобы дать каждой статье свода достоверность; они нужны как верный путь к разуму закона, как способ к открытию причин его, как руководство к познанию истинного его смысла в случае сомнений; они нужны как лучшая система истолкований (*commentaria*) — система, основанная не на мнениях и выводах произвольных, но на простом сличении двух форм одного и того же закона: первообразной и производной. Они охраняют связь между сими двумя формами, связь, столь необходимую, что без нее расторглось бы самое единство»⁴.

¹ Сперанский М.М. О существе свода. С. 588.

² Там же.

³ 1-ПСЗРИ. Том 1. С. XV.

⁴ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 168.

В-третьих, полное собрание законов Российской империи, составленное в хронологическом порядке, имело, по мысли Сперанского, огромное значение для русской исторической науки. Раскрывая его научное значение, он писал: «Известно, что Законы изображают, так сказать, внутреннюю жизнь Государства. В них видно, как нравственные и политические его силы слагались, образовались, возрастали и изменялись. Следовательно, История Государства без познания Законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как, с другой стороны, Законы без Истории часто бывают невразумительны. Посему, чем благовременнее Законы приводятся в известность: тем источники Истории для современников становятся удобнее, для потомства достовернее. Здесь не излишне будет заметить, что если издание Полного Собрания наших Законов в настоящее время представляло уже немаловажные затруднения: то, по истечении еще нескольких лет, дело сие было бы еще многосложнее, а наконец, оно могло бы соделаться почти непрístupным. Напротив, преодолев первые препятствия и объяв одним составом все протекшие 180 лет, нетрудно уже впоследствии, посредством ежегодных продолжений, всегда держаться наравне с настоящим»¹.

Цели, которым призвано было служить «Полное собрание законов Российской империи», – не только практические, но и научные – во многом предопределили правила его составления. Было сочтено необходимым включить в «Полное собрание» все постановления, изданные непосредственно верховной властью или от ее имени учрежденными ею государственными органами. При этом решено было не делать различия между постановлениями действующими и отмененными. Проведение такого различия должно было стать главной задачей при создании «Свода законов».

Кроме того, при составлении «Полного собрания законов» признали целесообразным не включать в него судебные решения, касающиеся лишь конкретных случаев, по которым они состоялись. Исключение было сделано для судебных решений: 1) распространенных в самом их изложении на все подобные случаи; 2) ставших впоследствии примером для других судебных решений и получивших в результате этого общее значение; 3) изъяснивших смысл того или иного общего закона; 4) вынесенных по делам о государственных преступлениях.

¹ 1-ПСЗРИ. Том 1. С. XVII. Данное рассуждение о значении Полного собрания законов для исторической науки Сперанский впоследствии воспроизвел с небольшими редакционными изменениями в записке «Обозрение исторических сведений о своде законов».

Приняв за правило не помещать в «Полное собрание» распоряжения частного характера, Сперанский допустил из него изъятие для тех из них, которые были по существу частными, случайными, но «по историческому их достоинству важные». Такие распоряжения были сохранены в «Полном собрании законов», отмечал Сперанский в предисловии к первому его тому, «как памятник того века, как указание общественных его нравов, как изображение гражданской его жизни»¹.

В качестве подобных частных распоряжений можно назвать, например, изданную царем Алексеем Михайловичем 19 января 1650 года Грамоту на имя воеводы Тимофея Шушерина «О бывшем в Москве Соборе для сочинения новаго Уложения и о посылке к нему двух печатных онаго экземплярах»², датированное 23 сентября 1654 года Обнародование о сдаче города Смоленска — «О входе в оный Царского Величества и о возвращении оттуда чрез Вязьму в Москву»³, высочайший Манифест от 6 июля 1796 года «О рождении великого князя Николая Павловича»⁴ и др.

¹ 1-ПСЗРИ. Том 1. С. XX.

² 1-ПСЗРИ. Том 1. № 23. С. 223–224. После сообщения о составлении Соборного Уложения и об изготовлении с его списка печатных книг царь Алексей Михайлович давал воеводе Тимофею Васильевичу Шушерину следующее распоряжение: «И как к тебе ся Наша грамота придет, а из Енисейского Воевода Афанасий Пашков те две книги в Илимский острог пришлет: и ты б те книги принял, и оставил одну в Илимском остроге в Съезжей Избе, и Наши всякие дела делал по той книге, чтоб Илимского острога всяких чинов людем, от большого и до меньшего чина, суд и росправа была во всяких делах всем равно. А другую книгу послал бы еси из Илимского острога в великую реку Лену, в якутский острог, к Воеводе к Дмитрию Франабекову да к дьяку к Осипу Степанову...».

³ 1-ПСЗРИ. Том 1. № 138. С. 352. В Обнародовании о сдаче города Смоленска было отражено успешное завершение войском царя Алексея Михайловича трехмесячной осады Смоленска, захваченного войсками Речи Посполитой. Историк С. М. Соловьев описал это событие следующим образом: «23 сентября под стенами Смоленска происходило обратное явление тому, какое видели здесь в 1634 году: литовские воеводы, выходя из Смоленска, били целом и клали знамена перед государем московским» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. М., 1961. С. 629*).

⁴ 1-ПСЗРИ. Том 23. № 17479. С. 911. «Объявляем всем верным Нашим поданным, — говорилось в Манифесте. — В 25 день июня Наша Любезная Невестка, Великая Княгиня разрешилась от бремени рождением Нам Внука, а Их Императорским Высочествам Сына, нареченного Николаем. Таковое Императорского Дома Нашего приращение приемлем Мы вящим залогом благодати Всевышнего на Нас и Наше Империю обильно изливаемой, и потому извещая о сем Нашим верным поданным, пребываем удостоверены, что все они соединят с Нами усердные к Богу молитвы о благополучном возрасте новорожденного и преуспейнии во всем, что к расширению славы Дома Нашего и пользы отечества служить может».

Все узаконения, которые предполагалось включить в «Полное собрание», были разбиты Сперанским на две части: первую составили Соборное Уложение 1649 года и узаконения, принятые по 12 декабря 1825 года — дня издания первого манифеста императора Николая I; вторую — узаконения, принятые после этой даты. Соответственно такому разделению создавалось два «Полных собрания законов Российской империи», получивших наименования «Первого собрания» и «Второго собрания»¹.

Узаконения, предшествовавшие 1649 году и с принятием Соборного Уложения утратившие юридическую силу, Сперанский намеревался издать отдельно. «Сии Законы, для истории важные, составят, под именем Законов древних, особенное Собрание, коему и положено уже начало»², — отмечал он в одном из примечаний своего предисловия к «Полному собранию законов Российской империи». Исполнить это намерение Сперанскому по каким-то причинам не удалось, но о том, что оно действительно существовало, свидетельствует составленный им³ в 1829 или 1830 году план «издания древних узаконений Российской империи», которое должно было начаться «с самых первых памятников законодательства и продолжаться до издания Уложения Царя Алексея Михайловича».

Согласно данному плану в «Собрание древних узаконений» должны были войти, в отличие от «Полного собрания законов Российской империи», лишь гражданские, военные, духовные акты, имеющие силу закона, как-то: уставные, жалованные и сошные грамоты русских великих князей, тарханы и ярлыки ханов Золотой Орды, постановления Земских Соборов. Кроме того, в это собрание планировалось включить дипломатические акты, а именно: договоры между русскими удельными княжествами и договоры русских князей с иностранными государями. При этом не ставилось задачей собрать *все* подобные акты, принимавшиеся на Руси до 1649 года, поскольку сделать это было невозможно, — предполагалось собрать лишь то, что могло быть отыскано в каких-либо архивах.

Располагаться все подобные акты должны были в «Собрании древних узаконений» в таком же порядке, как и в «Полном собрании», то

¹ См.: 1-ПСЗРИ. Том 1. С. XVIII.

² Там же. С. XVIII.

³ Или кем-то другим, но под руководством Сперанского.

есть по хронологическому принципу. Тем самым создавалась документальная основа для создания истории русского права, разработку которой Сперанский считал задачей первостепенной важности и планировал вести ее в рамках Второго отделения¹.

Относительно формы издания «древних узаконений» Сперанский установил следующее правило: их тексты «должны быть изданы в первоначальном их виде, где оный определить можно, или, по крайней мере, согласно с древнейшими манускриптами. Что же касается до правописания, то нельзя придерживаться онаго по каждому манускрипту, да и бесполезно было следовать словоначертанию таких писцов, которые до XVII столетия не знали грамматического правописания. Древнее начертание слов нужно удержать там только, где оно выражает или тогдашнее общее наречие, или провинциальное произношение. Прочие занятия по собиранию и печатанию древних узаконений не требуют предварительного объяснения: они могут удобно совершиться тем же порядком, какой наблюдаем был при издании Полного Собрания Законов».

Работая над «Полным собранием законов Российской империи», Сперанский одновременно занимался поиском актов для «Собрания древних узаконений». С просьбой помочь ему в этом деле Михаил Михайлович обращался, в частности, в Петербургскую Академию наук и к историку-археографу П. М. Строеву, который ездил по России в поисках старинных русских книг и документов. В 1830 году Сперанский писал его родному брату В. М. Строеву: «Напомните братцу, что в прежние времена он помогал мне; надеюсь, что и теперь будет тоже. Я хочу составить Собрание древних наших законов и хочу отнести к вашему братцу, чтобы он поименовал мне все древние памятники нашего законодательства. Но теперь мне желательно было бы узнать подробнее о том, что им открыто в последнюю поездку и когда он будет в Петербурге. Вести переписку неудобно и я отложу до его приезда дальнейшее исполнение по сему предмету».

Получив от брата это напоминание, П. М. Строев направил в Академию наук рапорт, в котором указал, что во Втором отделении предпринимают, по высочайшему повелению, издание Собрания древних русских

¹ Сообщая в предисловии к «Полному собранию законов Российской империи», что за основание включенного в него текста Соборного Уложения 1649 г. были приняты первоначальные его издания, Сперанский счел необходимым заметить в сноске: «Подробное описание наружного вида Уложения помещено будет в Истории Российского Законодательства, составляемой во II Отделении» (1-ПСЗРИ. Том 1. С. XXII). К сожалению, и этому замыслу Сперанского не суждено было осуществиться.

законов и Академия наук может «весьма удобно вспомоществовать сему важному государственному предприятию», поскольку в последнее время археографическая экспедиция¹ открыла много «доселе неизвестных памятников отечественного права». Сперанскому же П. М. Строев написал в письме, что «вменит себе в особую честь представить ему свои находки» и, что он «готов служить в пользу истинно-патриотического и государственного издания», задуманного Сперанским.

16 января 1831 года историк, пребывавший в то время в Москве, сообщал Сперанскому о том, что изготовил для него, с позволения Академии наук, «три больших тома, списанных археографической экспедицией в разных архивах, историко-юридических актов». Эти акты числом более 400, добавлял Строев, «относятся к XV–XVII столетиям; наибольшая часть их не была известна и весьма многие особенно любопытны для истории отечественного права».

Очевидно, что подготовка «Собрания древних узаконений» к изданию требовала большого количества людей, умеющих работать со старинными документами. Недостаток их скорее всего и стал главной причиной, помешавшей Сперанскому осуществить этот его замысел. С другой стороны, развернувшиеся во Втором отделении с 1826 года широкомасштабные работы по составлению «Полного собрания законов» и «Свода законов» не оставляли ему ни времени, ни сил для создания еще одного обширного собрания юридических актов.

Работа над «Полным собранием законов» продолжалась до 1 марта 1830 года. При этом составлялись одновременно и «Первое» и «Второе» собрания. Тексты узаконений, изданных с 1649 по 1711 год, сверялись с их подлинниками из архивных фондов Разрядного, Поместного и др. приказов, находившихся в Вотчинном архиве при Сенате и в Архиве Коллегии Иностранных дел в Москве. Оригиналы узаконений последующих лет брались в Санкт-Петербургском архиве Правительствующего Сената, в Государственном архиве старых дел, в Архиве Кабинета Его Императорского Величества и Департамента уделов, в Архиве Главного Штаба Его Императорского Величества, в Архиве Морского Департамента, в Архивах других министерств и их департаментов.

¹ Данная Археографическая экспедиция работала с 1828 по 1834 г. В 1834 г. она была переименована в Археографическую комиссию, на которую была возложена задача подготовить собранные документы к изданию. «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук» были изданы в 1836 г. в четырех томах.

Подлинник Соборного Уложения 1649 года был взят из Оружейной Палаты. Он состоял из двух свитков, на одном из которых было начертано столбцом само Уложение, на другом, также столбцом, — опись поправкам, сделанным во время его переписки. «С сего столбца и с описи поправок, — отмечал Сперанский в предисловии к «Полному собранию законов», — Уложение первоначально было напечатано Славянскими буквами, в трех изданиях, с означением в каждом одного и того же 1649 года. С сих изданий составлены все последующие, числом 13, гражданской печати. По сравнению оных с первыми, открылись некоторые опечатки и даже отступления; а по сему и приняты основания для текста в настоящем Собрании первоначальные три издания, яко вернейшие, и постоянным употреблением их в Присутственных местах утвержденные»¹.

Прежде чем включать в состав «Полного собрания законов» текст первого печатного издания Соборного Уложения, он был сверен с подлинником. Сверка проводилась следующим образом: один чиновник Второго отделения читал вслух текст, начертанный на свитке, а другой отмечал отступления от него в печатном экземпляре. В результате, помимо пропусков знаков препинания, названий глав, отсутствия нумерации некоторых статей и т. п. были обнаружены серьезные расхождения печатного варианта с подлинником в трех местах. Так, в предисловии к Соборному Уложению, начертанном на свитке, не было следующих слов, имевшихся в печатном тексте: «и по государеву ц. и в. кн. Алексея Мих. всея России указу». В статье 10 главы XIV в печатном экземпляре было пропущено указание на необходимость исполнить помимо крестоцелования тридцатилетнюю епитимию — «к церкви не приходит и приносу от них потом не принимать».

Печатание «Первого Собрания» началось 21 мая 1828 года и окончилось к 1 апреля 1830 года. После этого началось печатание подготовленных к изданию томов «Второго собрания». Изданное первое «Полное собрание законов Российской империи» состояло из 45 томов, из которых 40 томов занимали тексты узаконений, последние 5 томов содержали в себе указатель (состоявший из двух реестров — хронологического и алфавитного), книги штатов, тарифов, чертежей и рисунков.

5 апреля 1830 года император Николай I издал рескрипт на имя министра юстиции князя Дашкова, которым повелел снабдить книгами «Полного собрания законов Российской империи» все департаменты Правительствующего Сената и все присутственные губернские места.

¹ 1-ПСЗРИ. Том 1. С. XXII.

Характеризуя в предисловии к «Полному собранию законов» предшествовавшие ему собрания российских узаконений, Сперанский отмечал в качестве главных их недостатков неполноту в содержании, а также «неверность в тексте и в показании времени, когда состоялись указы»¹. В пояснение этой своей оценки Михаил Михайлович писал: «Не упоминая других, в лучшем и обширнейшем из сих собраний, в Указателе Максимовича с 1649 по 1805 год недостает целых 48 лет. Сверх того: 1) в каждом томе, при проверке, найдены пропуски многих важных узаконений; так например, от издания Уложения до 1714 года июня 15, или до отмены Новоуказных Статей, в Указателе содержится 1075 узаконений; при подробном же обозрении сего периода, оказалось оных 2827. 2) В разных томах помещены под именем указов выписки из оных или просто оглавления; нередко даже встречаются выписки из указов, напечатанных в другом месте и под другим числом в том же Указателе»². Обращая внимание на «неверности в тексте» Указателя Максимовича, Сперанский приводил в качестве примера тот факт, что многие постановления были напечатаны в нем в виде указов, тогда как на самом деле они являлись только частью указа или статьей из него.

«Полное собрание законов Российской империи» задумывалось Сперанским, в противовес этому, как «собрание полное и достоверное»³. Об этом своем замысле он говорил также при изложении «Правил составления и издания законов». По его словам, «в состав сего Собрания под именем законов вмещены, по порядку времени, *все постановления*, ко всегдашнему исполнению от Верховной Власти или Именем Ее от учрежденных Ею мест и Правительств происшедшие, по всем частям Государственного управления, *без всякого изъятия*»⁴ (курсив мой. — В. Т.).

В действительности же первое «Полное собрание законов» полным не стало. Собрать все узаконения с 1649 по 1825 год не удалось. Более того, сделать это было и невозможно, поскольку многие узаконения, особенно второй половины XVII – начала XVIII века, оказались недосягаемыми для составителей «Полного собрания» или просто-напросто

¹ 1-ПСЗРИ. Том 1. С. XII.

² Там же. С. XII–XIII.

³ Там же. С. XV.

⁴ Там же. С. XVIII.

неизвестными. Но самым странным являлось то, что целый ряд актов, имевшихся в их распоряжении и бесспорно обладавших статусом закона, в «Полное собрание» включены не были. И это при том, что в нем вполне нашлось место для множества таких документов, которые к законам явно не относились.

Разгадка этой странности содержится в докладе М. А. Балугьянского «О помещении некоторых сомнительных манифестов и указов в *Полное Собрание Узаконений*»¹, поданном императору Николаю I 5 апреля 1828 года, и в высочайшей резолюции по нему, вынесенной 21 апреля. Ее текст Сперанский собственноручно записал на полях доклада следующими словами: «Государь Император высочайше повелеть соизволил принять общим правилом: указы и манифесты, назначенные к истреблению, или отобранию, не помещать в Собрание Законов и не печатать, если последующими указами они не восстановлены в их силе; в сем последнем случае, при издании их, именно означить указы, которыми они были отменены и потом восстановлены. Во исполнение сей Высочайшей воли надлежит: 1) постановление под именем «Устава воли Монаршей», манифестом 1731 г. восстановленное, напечатать, означив именно, когда велено было его отобрать, потом, когда оно было восстановлено и когда снова и уже навсегда отменено; 2) напротив, форму присяги, разосланную при указе 21 февраля 1730 г., в собрание не помещать потому, что указом 26 того же февраля велено ее отобрать, и она осталась навсегда уничтоженною; 3) манифесты 5 и 17 октября 1740 г. о наследии принца Иоанна и присяжные листы из Собрания исключить и не печатать, по точной силе манифестов ноября 25 и 28-го 1741 г., коими царствование сие признано незаконным; из указов и постановлений сего времени поместить одни только *гражданские* узаконения, под тем самым названием, какое дано сему времени в докладе Сената, дек. 3-го, 1741 г., т. е. под именем управления бывшего герцога Курляндского и правления принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской; 4) доклады Сената о смертной казни 29 марта 1753 г., высочайше утвержденные² и ничем не отмененные, следует поместить. Манифест

¹ Так именовалось поначалу «Полное собрание законов Российской империи».

² В данном случае имеются в виду постановления императрицы Елизаветы Петровны об отмене смертной казни и введении вместо нее политической смерти. См.: 1-ПСЗРИ. Том 13. № 10086 и 10087.

императрицы Екатерины II 6 июля 1762 г. о причинах восшествия ее на престол из *Собрания* исключить, по точной силе указа генваря 26-го 1797 г.¹, коим велено оный истребить»².

Причины, по которым те или иные узаконения не включались в состав «Полного собрания законов», были различными: *одни* памятники законодательства не вошли в первое «Полное собрание законов» потому, что «считались секретными», *другие* от того, что предназначались «к истреблению или отобранию», *третьи* потому, что не были обнаружены или своевременно доставлены во Второе отделение, наконец, *четвертые*, весьма многочисленные, не вошли в «Полное собрание законов» потому, что исключались из него, по разным причинам, самими составителями данного собрания (главным образом, Сперанским).

А. Н. Филиппов, специально изучавший этот вопрос, одну из причин фактического отказа Сперанского от замысла создать по-настоящему «полное» собрание узаконений усматривал еще и в его стремлении включить в свое издание много исторических и историко-юридических документов, не подходящих под понятие закона с формальной точки зрения. По словам историка, этим введением первое «Полное собрание законов» «утрачивало много места для помещения чисто-законодательного материала, им засорялось содержание издания чуждыми его основной задаче примесями, спутывались еще сильнее и без того у нас в истории плохо различаемые понятия *закона* и *правительственного распоряжения*, а в целом, все это приводило к тому, что само официально признанное наименование разбираемого издания 1 ПСЗ требовало и требует ряда оговорок»³.

Сперанский вполне сознавал условность названия «Полное собрание законов Российской империи», причем с самого начала работы над ним. Тем не менее, он настаивал на этом наименовании. Почему? Отвечая на этот вопрос, А. Н. Филиппов высказал предположение, что для Сперанского такое наименование «Полного собрания законов» было вполне оправданным не вследствие фактической полноты его, а по другой причине. Сперанский, отмечал Филиппов, «не был ученым историком *русского права*, для которого последнее представляет нечто самодовлеющее,

¹ См.: 1-ПСЗРИ. Том 24. № 17759.

² Цит. по: *Филиппов А. Н.* К вопросу о составе первого Полного собрания законов Российской империи. М., 1916. С. 100–102.

³ Там же. С. 18–19.

наоборот, для Сперанского его Собрание Законов представляло интерес лишь в связи со *Сводом*, а для *Свода* его Собрание было *полным*¹.

Данный аргумент является очень сомнительным в свете того понимания целей «Полного собрания законов Российской империи», которое Сперанский показал в предисловии к ним. Данное собрание рассматривалось им не только в качестве важнейшего пособия для судей при толковании действующих законов, но и как фундамент для становления науки истории государства и права России. Такое понимание значения «Полного собрания законов» разделял и император Николай I.

В 1845 году Кавказский наместник обратился в Министерство юстиции с просьбой о «безденежной высылке» экземпляров этого собрания в Ставропольский и Кизлярский окружные суды с тем, чтобы уездные присутственные учреждения могли более эффективно вести возложенный на них поиск узаконений, не вошедших в него. М. А. Балугьянский высказал в ответ на эту просьбу мнение о том, что нет никакой «необходимости в снабжении уездных присутственных мест означенным Собранием». Государь полностью согласился с таким мнением и в своей резолюции по докладу Балугьянского начертал: «Не вижу никакой в том нужды, ибо *Полное собрание законов есть книга ныне чисто историческая*, в которой уездным судам никакой нужды нет»².

§ 3. «Свод законов Российской империи»

Работы над «Сводом законов Российской империи» начались одновременно с трудами по составлению «Полного собрания законов». По плану этих работ, представленному Сперанским на первом заседании Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, надлежало сначала создать «исторические» своды по каждой части свода действующих законов, разбитой на книги, разделы, главы и отделения, а затем «догматические», которые впоследствии стали именоваться «систематическими».

На практике «исторические» своды составлялись путем подбора для каждого предмета правового регулирования соответствующих узаконений — без различия, действующие они или нет. Существо их содержания

¹ Филиппов А. Н. К вопросу о составе первого Полного собрания законов Российской империи. М., 1916. С. 137–138.

² Цит. по: Там же. С. 130.

фиксировалось специальными выписками, которые затем сравнивались между собой. По словам Сперанского, «в сем сравнении три главных обстоятельства были замечаемы: отмена, пояснение и дополнение. Статьи отмененные были из Свода исключаемы; напротив, пояснения и дополнения были прилагаемы к первоначальному узаконению. Таким образом составлялась история изменений закона по каждому отделению»¹. При этом для многих частей законодательства не было особой необходимости начинать эту историю с Уложения 1649 года. В течение XVIII столетия в России был издан ряд уставов — сводов норм отдельных отраслей материального права². Узаконения прошлых лет, относившиеся к предмету устава, если они не включались в его содержание, тем самым автоматически отменялись. В связи с этим «во многих отделениях и даже в целых главах можно было начать сравнение с уставов, т. е. со времени ближайшего, и с сей точки идти к настоящему»³. Начинать историю изменений законов с Уложения 1649 года необходимо было лишь при составлении исторических сводов гражданского и уголовного права. «В законах гражданских и уголовных, — пояснял Сперанский, — надлежало, разделив их на эпохи, составить самые подробные и обстоятельные исторические своды. В сем роде законов нет другого средства удостовериться в последовавших изменениях, ибо весьма часто прежние указы отменяются не словами, а только силою и смыслом указов новых, и, следовательно, открыть перемену нельзя иначе, как сравнив силу одного постановления с силою другого, а для сего необходимо нужно поставить их в связи исторической»⁴.

Именно со сферы гражданского права и была начата работа по составлению исторических сводов. Гражданские узаконения были разделены при этом на пять отделов: 1) «О правах состояний»; 2) «О правах личном

¹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 160.

² «Под уставами понимались специальные законодательные акты, изданные для известного ведомства и имеющие в виду определенную отрасль материального права» (Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 16). Такими законодательными актами являлись, например: Устав воинский 1716 г., Устав морской 1720 г., Устав о векселях 1729 г., Устав о винокурении 1765 г., Устав благочиния, или полицейской 1782 г.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 166–167.

и вещественном вообще»; 3) «О правах личном и вещественном в особенности»; 4) «О порядке составления и совершения актов»; 5) «О тяжёбом судопроизводстве». По времени же принятия их разбили на четыре периода. *Первый* период ограничили Уложением царя Алексея Михайловича, сочтя, не без основания, что данный памятник один заключает в себе целую эпоху в русском законодательстве. *Ко второму* периоду были отнесены узаконения, принятые от Уложения 1649 года до 1714 года. *К третьему* — узаконения, изданные с 1714 года до момента вступления на императорский престол Екатерины II, то есть по 26 июня 1762 года¹. *К четвертому* — узаконения, появившиеся с 28 июня 1762 года² по 1825 год.

Исторический свод уголовных законов был разделен на две книги, первая из которых была посвящена собственно уголовным законам, а вторая — уголовному судоустройству и судопроизводству. Содержание первой книги разбивалось, в свою очередь, на шесть разделов: 1) о преступлениях и наказаниях вообще; 2) о преступлениях государственных; 3) о преступлениях против тишины и благосостояния государства; 4) о преступлениях государственных чиновников; 5) о преступлениях против прав личных; 6) о преступлениях против собственности. Во второй книге выделялось четыре раздела: 1) об общих уголовных судебных местах; 2) о составе и ведомстве каждого уголовного места в особенности (о губной избе, о приказной или съезжей избе, о земском дворе, о разбойном или сыском приказе и т. д.); 3) об особенном уголовном суде (совестном суде, о судах духовных, военных и т. д.); 4) об уголовной судебной полиции.

В течение 1826 и 1827 годов сотрудниками Второго отделения были составлены исторические своды по законам гражданским и по некоторым частям уголовных законов. После этого работа над историческими сводами была приостановлена с тем, чтобы ускорить создание свода действующих законов. Возобновили ее во Втором отделении только по завершении данного труда, то есть в начале 1833 года. В 1834 году работа по составлению исторических сводов, по всей ви-

¹ В этот день был издан последний из вошедших в Полное собрание законов Российской империи закон Петра III — Именной, данный Сенату, Указ I «О сборе денег, розданных в заем из Банков Санктпетербургского и Московского, и о недаче заемщикам отсрочки во взнос оных» (см.: 1-ПСЗРИ. Том 15. № 11581. С. 1050).

² 28 июня 1762 года был издан Манифест «О вступлении на престол Императрицы Екатерины II» (см.: 1-ПСЗРИ. Том 16. № 11582. С. 3).

димости, продолжалась¹, но затем, кажется, опять была по какой-то причине приостановлена. В 1838 году император Николай I назначил во Второе отделение своей канцелярии нескольких молодых чиновников, окончивших высшие учебные заведения, — им было поручено составить исторические своды к первым трем томам свода действующих законов Российской империи. Но после смерти М. М. Сперанского, последовавшей 7 февраля 1839 года, эта работа остановилась, на этот раз — окончательно.

«Догматические» или «систематические» своды начали составляться еще в процессе создания сводов исторических. В описании Сперанского эта работа осуществлялась следующим образом: «По мере того как разные части Свода посредством исторических изысканий и выписок достигали полноты и точности, они постепенно вступали в другой период их образования, принимали определенную форму законных правил. Здесь труд разделялся также на две степени. В первой из них собранные и уже очищенные от посторонней смеси тексты закона распределялись по своим местам в виде статей, и таким образом составлялись отдельные своды. Во второй степени сии самые своды сравниваемы были между собою в их совокупности. При сем часто открывались в них повторения, а иногда и разногласие; надлежало их снова сводить и соглашать, дабы дать сим отдельным частям надлежащее единство. Отсюда хотя главный план всего состава оставался неподвижным, но частные и подробные планы многократно изменялись, ибо перемена в устройстве одного свода часто влекла за собою перемену и в других, с ним смежных»².

Несмотря на то, что историческое изложение российского законодательства не было осуществлено в большинстве его частей к тому моменту, когда сотрудники Второго отделения приступили к составлению так называемых «догматических» или «систематических» сводов, созданный в результате этих трудов «Свод законов Российской империи» имел под собой прочное историческое основание. Им стали, во-первых, история русского права, воплощенная в «Полном собрании законов Российской империи», во-вторых, исторический опыт систематизации римского права при императоре Юстиниане I, осмысленный Фрэнсисом Бэконом (1561–1626).

¹ Об этой работе М. М. Сперанский сообщал 17 апреля 1835 г. императору Николаю I. См.: *Майков П. М.* О Своде законов Российской империи. М.: Зерцало, 2006. С. 35.

² *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 163–164.

Данный опыт был выражен английским философом и государственным деятелем в виде афоризмов сочинения под названием «Образец трактата о всеобщей справедливости, или об истоках права»¹, объединенных под рубрикой «О новых дигестах законов (De novis Digestis Legum)». Обозревая в 1833 году историю создания свода законов Российской империи, Сперанский признал, что именно правила Ф. Бэкона стали для него руководством в трудах по систематизации российского законодательства. Среди этих правил русский правовед особо выделял следующие: 1) «Исключить из свода все законы, вышедшие из употребления»²; 2) «Исключить все повторения, и вместо многих постановлений, одно и то же гласящих, принять в своде одно из них полнейшее»³; 3) «Сохранить слова закона, извлекая статьи свода из самого их текста, хотя бы то было самыми мелкими и дробными частями (per centones); потом сии мелкие части связать и соединить по порядку, ибо в законе не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность драгоценны. Без сего свод был бы книгою учебною или ученою, а не составом законов положительных»⁴; 4) «Законы слишком

¹ «Exemplum Tractatus de Justitia Universali, sive de Fontibus Juris» (см.: The Works of Francis Bacon, baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England / Collected and edited by J. Spedding, R. S. Ellis and D. D. Heath. Vol. 1. London, 1875. P. 803). Перевод указанного трактата на русский язык, опубликованный в первом томе сочинений Ф. Бэкона, вышедших в серии «Философское наследие» (М.: Мысль, 1977. Том 1. С. 484–512), весьма неточен.

² Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 104–105. У Фрэнсиса Бэкона приведенное Сперанским правило выражено следующими словами: «Primo, omittantur obsolete, quae Justinianus antiquas fabulas vocat (Во-первых, отбросить устаревшее, которое Юстиниан называл старинными сказками)» (The Works of Francis Bacon. P. 817).

³ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 105. У Ф. Бэкона: «Tertio, Homoio-Nomia, sive leges quae idem sonant atque nil aliud sunt quam iterations ejusdem rei, expungantur; atque una quæriam ex iis, quæ maxime est perfecta, retineatur vice omnium (В-третьих, удалить гомойономии, или законы, гласящие одно и то же и содержащие повторения одних и тех же предметов, сохранив из всех [законов] лишь те, которые наиболее совершенны)» (The Works of Francis Bacon. P. 817).

⁴ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 106. У Ф. Бэкона: «Verum in hujusmodi Legum Regeneratione atque structura nova, veterum legum atque librorum legis verba prorsus et textum retinet; licet per centones et portiones exiguas eas excerptere necesse fuerit: Ea deinde ordina contextito. Etsi enim fortasse commodius atque etiam, si ad rectam rationem respicias, melius

многословные и обширные, должны быть сокращаемы»¹; 5) «Из законов противоречащих избирать тот, который лучше других»²; 6) «По составлении таким образом свода сей Состав законов (*Corpus legume*) должен быть утвержден надлежащею властью, дабы под видом законов старых не вкрались законы новые»³.

Сперанский вполне сознавал, что само по себе издание свода законов может создать лишь временный порядок в действующем законодательстве. Новые законы, появляясь во все большем количестве, вызовут спустя некоторое время новый хаос в сфере законодательства. Ф. Бэкон в качестве способа решения данной проблемы предлагал обратиться к опыту императора Юстиниана, который при систематизации римского

hoc transigi posset per textum novum quam per hujusmodi consarcinationem; tamen in legibus non tam stilus et discriptio quam Authoritas, et hujus patronus Antiquitas, spectanda est. Alias videri possit hujusmodi opus scholasticum potius quiddam et methodus, quam Corpus Legum Imperantium (Однако в таком возрождении законов и создании новых необходимо всецело сохранить слова и стиль старинных законов и законных книг, пусть это пришлось бы делать посредством извлечения из них цитат и небольших фрагментов, которые затем надобно соединять воедино. Хотя в действительности было бы удобнее, пожалуй, и даже, если смотреть в существо дела, было бы возможно лучше сделать это с помощью нового текста, чем посредством такого соединения; однако в законах должны приниматься во внимание не столько стиль и содержание, сколько авторитет, и их покровительница — древность. Иначе такое произведение может показаться скорее учебным и методическим, чем Сводом положительных законов)» (*The Works of Francis Bacon*. P. 818).

¹ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 107–108. У Ф. Бэкона: «*Postremo, quæ verbosæ inveniuntur et nimis prolixæ, contrahantur magis in arctura* (Наконец, законы, оказавшиеся многословными и слишком пространными, должны быть сокращены и сжаты)» (*The Works of Francis Bacon*. P. 817).

² *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 109. У Ф. Бэкона: «*Deinde, ex Anti-Nomiis recipiantur probatissimæ, aboleantur contrariæ* (Далее, из антиномий (противоречащих один другому законов) принять наилучшие, противоречащие же им отменить)» (*The Works of Francis Bacon*. P. 817).

³ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 110. У Ф. Бэкона: «*Novum autem hujusmodi Corpus Legum ab iis qui in politiis singulis habent potestatem legislativam prorsus confirmandum est; ne forte, prætextu veteres leges digerendi, leges novæ imponantur occulto* (Однако этот новый Свод законов должен быть утвержден тем, кто в каждом государстве обладает полной законодательной властью; чтобы под видом приведенных в порядок старых законов не были скрытно введены новые законы)» (*The Works of Francis Bacon*. P. 818).

права предписал устойчивую, не подверженную переменам, часть правового материала изложить в одном своде (Дигестах), а изменяемую его часть, выраженную в отдельных законах, принимаемых время от времени, — в другом (Кодексе). Английский правовед высказывал в связи с этим мнение о том, что при создании свода законов следует «расположить и составить по отдельности (seorsum digerere et componere)», с одной стороны, «законы, принятые в качестве общего права, происходящего с незапамятных времен (leges, pro Jure Communi receptas, quæ tanquam immemorales sunt in origine sua)»¹, и с другой стороны, «статуты, время от времени к ним добавляемые (statute de tempore in tempus superaddita)»². Сперанский не принял этой рекомендации английского мыслителя. «У нас нет сего различия, — писал он, объясняя свое решение, — но есть законы, действующие вообще во всем пространстве Империи, и есть законы местные, особенные, коих действие допускается токмо в некоторых областях ее. По сему положено в общем Своде соединить все законы первого рода, а законы второго рода, разобрав, соединить в двух Сводах особенных: один для губерний западных, другой для остзейских»³. Признав, что «Своды обнимают только прошедшее и не определяют ничего в будущем», а новые законы неизбежно прибавляются и тем самым создается опасность возникновения хаоса в законодательстве, русский правовед признал необходимым установить на все последующее время порядок, по которому новые законы по мере их появления включались бы в соответствующие разделы свода законов при новых его изданиях.

Вопрос о разделении законов в общем их своде Сперанский считал принадлежащим к философии права — по его словам, «к такой части законоведения, в коей разум восходит к первоначальным понятиям нравственности деяний, понятиям долга, правды и справедливости (aequi et just) и проч.»⁴. «Подробное исследование сих начал, — отмечал он, — может найти приличное место в общей истории законодательства»⁵. Именно из этих начал выводилась им система свода законов.

¹ The Works of Francis Bacon. P. 817.

² Ibid.

³ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 112.

⁴ Там же. С 118–119 (сноска).

⁵ Там же.

Представляя основания общего разделения законов в составе Свода, Сперанский писал: «Два союза, два порядка отношений необходимы в государстве: союз государственный и союз гражданский. Союз государственный есть внутренний и внешний; здесь вопрос только о первом. Союз гражданский есть или семейственный, или союз по имуществам. Из союзов возникают права и обязанности. Те и другие определяются и охраняются законами. Отсюда два порядка законов: законы **государственные** и законы **гражданские**»¹ (выделено мною. — В. Т.).

В законах государственных Сперанский выделял два разряда — «по различию их предметов и начал, на коих они утверждаются». К законам *первого* разряда он относил те, которые «определяют существо союза государственного и прав от него происходящих». В этом разряде, отмечал он, «прежде всего представляется *порядок*, коим власть верховная образуется и действует в законодательстве и управлении; *органы* сего действия суть установления; *средства*, силы государственные, нарочито для сего действия предназначенные»². Установления и силы государственные предполагают, в свою очередь, известную степень участия в них подданных, которая определяет их состояние.

Отсюда Сперанский выводил деление государственных законов первого разряда на четыре категории: 1) «*Законы Основные*», 2) «*Учреждения*», определяющие «состав установлений, образ и пределы их действия», 3) «*Законы Сил Государственных*»³, 4) «*Законы о Состояниях*».

К *второму* разряду законов государственных Сперанский относил законы, «коими союз государственный и гражданский и права, от них возникающие, охраняются в их действии мерами общего государственного порядка»⁴. Это, по его мнению, во-первых, «*Законы Предохранительные*», как, например, Устав благочиния, или полицейской, а во-вторых, «*Законы Уголовные*».

¹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 119.

² Там же. С. 120.

³ «Силы сии суть личные или вещественные, — пояснял Сперанский. — Личные силы суть: или воинские — они управляются особыми постановлениями; или силы, предназначаемые для исправления разных нужд государственных в виде повинностей, — они управляются законами общими под именем *Уставов о Повинностях*. Силы вещественные состоят в доходах; порядок их составления и употребления учреждается *Уставами Казенного Управления*» (Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 121–122).

⁴ Там же. С. 122.

Гражданские законы Сперанский также делил на два разряда. К *первому* разряду им причислялись законы, определявшие гражданские права. Это, *во-первых*, законы, которыми устанавливается «порядок прав и обязанностей семейственных»; *во-вторых*, законы, которыми устанавливается «порядок приобретения и укрепления прав в имуществах»; *в-третьих*, «порядок действия сих последних прав в особенном отношении их к государственному и частному кредиту, к торговле, к промышленности и проч.»¹.

Отсюда Сперанский выводил три вида гражданских законов первого разряда: 1) «*Законы союзов семейственных*», 2) «*Общие законы об имуществах*», 3) «*Особенные законы об имуществах*», выступающие под названием «*Законов Государственного Благоустройства или Экономии*».

К гражданским законам *второго* разряда Сперанский относил законы, охранявшие действие прав мерами порядка гражданского. Таковыми являлись, по его мнению: 1) «*Законы о порядке взысканий по делам бесспорным*», 2) «*Законы судопроизводства* общего гражданского и особенных: межевого и торгового», 3) «*Законы о мерах гражданских взысканий*»². При этом творец свода законов признавал, что гражданские законы второго разряда тесно связаны с гражданскими законами первого разряда, а потому именно среди последних все они и должны распределяться.

Общее распределение законов в составе Свода соответствовало двум главным целям, которые желали достичь его созданием: сделать более удобным применение законов при производстве дел и дать средства к систематическому их изучению, так чтобы «те же законные книги, а не две системы разные, были основанием и в отправлении дел, и в учебном образовании»³.

¹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 123.

² Там же. С. 125.

³ Там же. В 1837 году Сперанский вел так называемые «юридические беседы» с Его Императорским Высочеством цесаревичем Александром Николаевичем (будущим императором Александром II). На основе этих бесед им была задумана книжка — краткое руководство к познанию отечественных законов. В 1838 году Михаил Михайлович приступил к ее написанию, однако окончить не успел. В 1845 году этот незавершенный труд Сперанского был издан под названием «Руководство к познанию законов». Содержание его показывает, что автор классифицировал законы в полном соответствии с тем их делением, которое дал прежде в «Своде». Так, он разделил государственные законы на: 1) «Законы Основные», 2) «Законы Органические», 3) «Законы Правительственных Сил», 4) «Законы Государственного Благоустройства», 5) «Законы о Состояниях», 6) «Законы Полиции», 7) «Законы Исправительные и Уголовные».

Как известно, осуществленная императором Юстинианом систематизация римского права также имела две цели: Институции, Дигесты и Кодекс призваны были служить в качестве не только практических руководств для судей, но и учебных пособий для студентов, изучавших юриспруденцию¹.

Все содержание «Свода законов Российской империи» было разбито на восемь книг. Книги с первой по четвертую, заключавшие в себе государственные законы первого разряда, заняли девять томов:

Книга *первая* (том 1, часть 1) была посвящена основным государственным законам.

Книга *вторая* включила в себя учреждения — центральные (том 1, часть 2) и местные (том 2), а также устав о службе государственной (том 3).

Книга *третья* охватила «законы государственных сил», а именно: уставы о повинностях (том 4), уставы о податях и о пошлинах (том 5), устав таможенный (том 6), уставы монетный, горный и о соли (том 7), уставы лесной, оброчных статей и счетные (том 8).

Книга *четвертая* была посвящена законам о состояниях (том 9).

Книга *пятая* — законам гражданским и межевым (том 10).

Книга *шестая* была составлена из уставов государственного благоустройства. Уставы духовных дел иностранных исповеданий, кредитный, о векселях, торговый, консульский, о промышленности, ремесленный и пробирный вошли в 11-й том Свода законов. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфный, строительный, положение о взаимном страховании от огня, устав о сельском хозяйстве, положения о найме на сельские работы и о трактирных заведениях, устав о благоустройстве в казенных селениях, о казачьих селениях и о колониях иностранцев в империи составили том 12. Сперанский предполагал включить в эту книгу также уставы учебных и ученых заведений после того, как будет завершена их разработка.

Книга *седьмая* включила в себя уставы благочиния, а именно: уставы о народном продовольствии, об общественном призрении и врачебный (том 13), уставы о паспортах и беглых, цензурный, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей, о ссыльных (том 14).

Книга *восьмая* была посвящена уголовным законам и состояла из одного — 15-го по счету — тома.

¹ См.: Конституция «Омне» // Дигесты Юстиниана. Том 1. Кн. I–IV. М., 2002. С. 34–47.

Объясняя смысл такого расположения правового материала в «Своде законов Российской империи», Сперанский писал: «Порядок разделения законов, принятый в Своде, соображен в главных его началах с порядком учебного их разделения. Законы государственного первого разряда представляются в книгах I, II, III и IV, и каждый их вид занимает то самое место, какое в теории ему предназначено: за Основными Законами следуют Законы Установлений, затем Уставы Управления Государственных Сил в двух книгах и потом Законы о Состояниях. Некоторые только части Учреждений отделены от общего их состава в книге I и для практического удобства размещены в книге III вместе с Уставами. За сим следовало бы поступить ко второму разряду законов государственных, Уставам Благочиния и Законам Уголовным, но сии законы составляют общее охранение как союза государственного, так и союза гражданского. Посему надлежало прежде изложить законы, определяющие союз гражданский, и, следовательно, после первого разряда законов государственных перейти к законам гражданским — книги V и VI. Хотя законы сии делятся также на два разряда, но второй из них, содержащий в себе законы гражданского права охранения, столько связан с первым, что отделить их без важных затруднений в практике невозможно; посему и распределены они в Своде между законами первого разряда, им соответствующими. За сим весь состав заключается законами государственными второго разряда, Законами Благочиния и Уголовными в книгах VII и VIII»¹.

* * *

По мере составления томов «Свода законов Российской империи» они передавались для проверки в специальные ревизионные комитеты, учрежденные в министерствах и различных управлениях. Всего было создано семь таких комитетов. Так, для ревизии десятого тома Свода, посвященного гражданским законам, был учрежден Ревизионный Комитет при Министерстве юстиции под председательством министра. Его членами стали: два сенатора, назначенных государем, обер-прокурор, обер-секретарь, директор канцелярии и юрисконсульт. Высочайшим рескриптом от 23 апреля 1828 года данному Комитету было велено «произвестъ общее сих Сводов обозрение, дабы тем положительно удостовериться в полноте их и точности». Подобные императорские повеления были даны и другим ревизионным комитетам.

¹ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 126–127 (сноска).

По завершении ревизии тома «Свода законов» поступали в типографию. В начале 1832 года началось печатание первой его книги. К началу следующего года печатание всех восьми книг в пятнадцати томах было окончено.

8 января 1833 года М. М. Сперанский направил императору Николаю I донесение о завершении печатания Свода законов, приложив к нему записку об истории составления Свода и проект высочайшего манифеста о введении Свода в действие. Прочитав и одобрив эти документы, государь возвратил их для представления в Государственный Совет. 15 января экземпляры многотомного Свода законов были переданы для ознакомления председателю — князю В. П. Кочубею — и членам Государственного Совета.

На общем собрании Государственного Совета, которое состоялось 19 января 1833 года, тома Полного собрания и Свода законов Российской империи были официально представлены Николаю I. Его Величество произнес большую — длившуюся более часа — речь, в которой рассказал о том, как возник у него замысел завершить работы по систематизации русского законодательства и каким образом этот замысел был осуществлен на практике. Затем была зачитана составленная Сперанским записка «Обозрение исторических сведений о своде законов» и принято решение о рассмотрении на следующем заседании Государственного Совета проекта высочайшего Манифеста, возвещающего завершение работ по составлению Полного собрания и Свода законов Российской империи.

31 января 1833 года проект манифеста о создании Полного собрания и Свода законов был рассмотрен на заседании департамента законов Государственного Совета. Он был признан соответствующим началам, принятым императором и общим собранием Госсовета от 19 января. Общее собрание Государственного Совета, состоявшееся 1 февраля 1833 года, подтвердило соответствие проекта манифеста упомянутым началам и постановило представить его к высочайшему утверждению. В тот же день император Николай I подписал текст манифеста. В качестве даты его принятия было указано 31 января 1833 года.

Император объявлял в Манифесте о том, что в начале своего царствования признал необходимым привести отечественные законы в ясность и твердый порядок, а потому повелел прежде всего собрать и издать их в полном их составе, а затем из этого общего состава, отделив одни действующие ныне в Российской империи законы, «соединить их в правильный и единообразный Свод и изложить их в точной их силе, без всякого в существе их изменения, на том самом основании, какое еще в 1700 г. положено было Пе-

тром Великим»¹. Первое из этих предназначений, отмечалось в Манифесте, было исполнено в 1830 году. Ныне же, провозглашал далее император, «при помощи Божией, семилетними непрерывными трудами, под собственным ведением нашим, совершилось и второе. Все законы, начиная от Уложения 1649 г. по 1 января 1832 г. в течение 183 лет изданные и при разнообразных изменениях времени сохранившие поныне силу их и действие, быв разобраны по родам их и отделены от всего, что силою последующих узаконений отменено, все, исключая постановлений военных и морских и некоторых других, ниже сего поименованных, сведены в единообразный состав, соединены в одно целое, распределены в книги по главным предметам дел правительственных и судебных. Все, что после 1 января 1832 г. состоялось или что по общему движению законодательства впредь состоится, будет по порядку тех же книг и с указанием на их статьи распределяемо в ежегодном Свода продолжении, и таким образом состав законов, единожды устроенный, сохранится всегда в полноте его и единстве»².

В заключительной части Манифеста устанавливались правила о силе действия Свода законов, которые сводились к следующим четырем положениям:

«1) Свод имеет воспринять законную свою силу и действие с 1 января 1835 г.

2) Законная сила Свода имеет тогда состоять в приложении и приведении статей его в делах правительственных и судебных; и вследствие того во всех тех случаях, где прилагаются и приводятся законы и где или составляются из них особые выписки, или же указывается токмо их содержание, вместо того прилагать, приводить и делать указания и ссылки на статьи Свода, делу приличные.

3) Все указы и постановления, после 1 января 1832 г. состоявшиеся и в Свод не вошедшие, так как и те, кои впредь состоятся, доколе при ежегодном продолжении Свода не войдут они в состав его, приводить по числам их и означениям непосредственно...³

¹ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 189.

² Там же. С. 190–191.

³ Далее в Манифесте шли слова: «Приводить также непосредственно: 1) все местные законы, где они действуют, доколе по принятым для сего мерам не будут они составлены в особые Своды; 2) узаконения, принадлежащие к Управлению народного просвещения и государственного контроля, коих уставы по предназначенному в сих частях преобразованию не могли еще быть окончены; 3) узаконения, к Управлению иностранных исповеданий принадлежащие» (там же. С. 193).

4) Как Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразии и порядок, то как в случае неясности самого закона в существе его, так и в случае недостатка или неполноты его порядок пояснения и дополнения остается тот же, какой существовал доньше»¹.

Самой главной среди проблем, решавшихся на последнем этапе создания свода законов, была проблема его юридического значения, то есть вопрос о том, являлся Свод сам по себе законом или представлял собой лишь сборник действующего законодательства. Этот вопрос считался впоследствии русскими правоведами основным вопросом, связанным с идеей свода законов. «Сомнение в силе свода, возникшее уже при самом рождении последнего, — писал Г. Ф. Шершеневич, — тяготее над всей дальнейшей историей этого самобытного явления, не только не ослабевая, но, напротив, все возрастая. Вопрос заключается в том: представляет ли собой Свод Законов только новую форму прежних законов, которая имеет силу лишь при условии соответствия, по содержанию, подлинному тексту этих законов, или же Свод Законов является новым законом, который отменяет собой силу прежних законов, послуживших материалом для его содержания?»²

Тексты законов были изложены в статьях свода в большинстве своем теми же самыми словами, каковыми они излагались в первоначальном их варианте. Статьи же, составленные из многих указов, «излагались или словами главного указа с нужным из других дополнением, или другими словами, но в полном, совокупном их смысле»³. Под каждой статьей⁴ свода приводился ее источник — те указы и постановления, из которых она была почерпнута. По словам М. М. Сперанского, такие указания необходимы были «не только для того, чтобы дать каждой статье свода законную достоверность»; они были нужны как «верный путь к разуму закона, как способ к открытию причин его, как руководство к познанию истинного его смысла в случае сомнений»; они были востребованы как «лучшая система истолкований (*commentaria*) — систе-

¹ Сперанский М. М. Обзор исторических сведений о своде законов. С. 193–194.

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1995. Т. 2. С. 59.

³ Сперанский М. М. Обзор исторических сведений о своде законов. С. 164–165.

⁴ За исключением так называемых переходных статей, которые не содержали в себе законов, но связывали между собой другие статьи.

ма, основанная не на мнениях и выводах произвольных, но на простом сличении двух форм одного и того же закона: первообразной и производной»; они охраняли «связь между сими двумя формами, связь, столь необходимую, что без нее расторгалось бы самое его единство»¹.

Вместе с тем немалое число законов, включенных в Свод, было подвергнуто редакторской правке, в результате которой их содержание стало отличаться от первоначального текста. В «Правилах, наблюдаемых при исправлении Сводов», которые были утверждены начальником Второго отделения Собственной Его Величества канцелярии М. А. Балугьянским 21 февраля 1831 года, редакторам давалось указание обеспечить «верность изложения» статей Свода путем сверки их с приведенными под ними узаконениями. Но наряду с этим редакторам разрешалось отклоняться в целом ряде случаев от содержания данных узаконений. «Слог исправить там только, — говорилось в статье 16 названных «Правил», — где примечены будут в нем какая-либо неясность или слова слишком старые и невразумительные, сохраняя однако же оные, если они не заменены в последующих узаконениях новыми, ставя изъяснение оных в скобках». Статьей 17 предписывалось «вообще держаться слов закона со следующими ограничениями: а) древний слог перевести на слог законов последующих времен; б) если указ содержит в себе самую сущность текста, то и прописать оный с наблюдением предыдущего замечания; в) доводы к изданию закона, если бы где-либо в настоящем изложении они вкрались, отменить, разве бы без них законоположение было непонятно; г) если встретятся две статьи Свода одинаковые или повторительные, то их соединить в одну, но с строгим наблюдением, чтобы ничего существенного выпущено не было».

Нередко под статьями Свода отсутствовали ссылки на источник — ранее принятые узаконения. В таких случаях источником правовой нормы объявлялся обычай или принятый в сфере ее действия порядок, или же сущность того явления, которое данная норма регулировала. Например, в статье 71 первого тома Свода, посвященного основным законам, говорилось: «Привилегии, дарованные Верховной Самодержавной Властью частным лицам или обществам, изъемяют их от действия общих законов по тем предметам, на которые в тех привилегиях содержатся точные постановления». Под этой статьей было сделано примечание: «*Сие явствует из самого существа привилегий и из образа применения оных*».

¹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 165–166.

Подобных примеров можно привести много. Труды по составлению Свода законов не ограничивались систематизацией ранее изданных правовых установлений, но сопровождалась модификацией их содержания, а иногда выливались в самое настоящее правотворчество. Кроме того, в процессе подготовки Свода к введению в действие к массе новых норм, появившихся в нем в результате модификации старых законов, было добавлено немало таких установлений, которые до этого не являлись законами. К ним относились, например, циркулярные предписания министров.

При столь сложном характере Свода неизбежно возникала проблема его юридического значения. Вошедший в состав Свода новый нормативный материал мог получить качество закона только при одном условии: если Своду самому по себе при введении его в действие придавалась законная сила¹. Однако в таком случае вставал вопрос о том, что делать с узаконениями, на основе которых были составлены статьи Свода. Придание Своду статуса закона при сохранении за этими узаконениями юридической силы порождало ситуацию двойного законодательства, то есть положение, при котором один и тот же закон существует, говоря словами Сперанского, в двух формах: «первообразной и производной». Этой ситуации можно было бы избежать, лишив юридической силы акты, из которых черпались статьи Свода, но данная мера создавала новые проблемы. В содержание Свода вошли далеко не все правовые нормы из предшествовавших ему законодательных актов, которые сохранили свою силу, поэтому он не мог в полной мере заменить их. Кроме того, при воспроизведении в статьях Свода норм прежних узаконений могли быть допущены (и, как впоследствии оказалось, действительно были допущены) довольно многочисленные неточности и даже ошибки². Отмена узаконений, предшествовавших Своду, и, следовательно, превращение его в исключительное уложение, устраняла возможность исправления обнаруженных в тексте Свода ошибок без участия верхов-

¹ Качество закона вошедшим в Свод новым нормативным установлением можно было бы придать посредством императорских указов, изданных для каждого из них по отдельности, но на практике сделать это было чрезвычайно трудно.

² Выявлением ошибок и неточностей в Своде законов Российской империи специально занимался (с 1851 до 1859 г.) А. К. Бабичев. См.: *Бабичев А. К.* О редакционном исправлении Свода законов // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 4. С. 222–241; *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XIX веков: Очерки жизни и творчества. С. 242–248.

ной государственной власти — посредством простого обращения к тем узаконениям, на основе которых были составлены статьи Свода.

Из приведенных рассуждений очевидно, что проблема юридического значения Свода законов не имела легкого решения. М. М. Сперанский в записке, представленной в Государственный Совет вместе с томами Свода 19 января 1833 года, предлагал *четыре* варианта решения этой проблемы и при этом ни одному из них не отдавал прямо своего предпочтения. «Свод сам по себе не есть новый закон, но другая форма того же самого закона, — заявлял он. — Употребление сей формы в делах может быть разнообразно: 1) как формы закона главной, единственной и исключительной, или 2) как формы главной, но не исключительной, допускающей действие и прежней формы в определенных случаях, или 3) как простого внешнего руководства к указанию закона и к лучшему его познанию, наконец, 4) как формы законной, которая должна действовать сперва совокупно с прежнею формою, а потом, когда опыт утвердит ее, должна действовать одна». Самое большое внимание из приведенных вариантов главный творец Свода законов уделил второму. Отметив только один недостаток этого варианта, а именно: то, что он не сообщает делу применения Свода простоты и единообразия, присущего первому варианту, Сперанский указал на два больших его преимущества, которые составляют, во-первых, возможность принимать в соображение не внесенные в Свод узаконения, если при практическом применении его встретится случай, не находящий определения в Своде и, во-вторых, возможность решать дела, в случаях неясности соответствующих статей Свода, на основании сличения их с текстами узаконений, из которых они составлены.

На основании этого можно предположить, что если бы Сперанскому пришлось делать выбор из названных им четырех вариантов решения вопроса о юридическом значении Свода, он счел бы необходимым определить его в качестве формы закона «главной, но не исключительной, допускающей действие и прежней формы в определенных случаях», но в реальности никто не побуждал Сперанского к такому выбору.

В действительности для выбора имелось только два варианта из четырех вышеуказанных — первый и второй. Последний вариант, предполагавший одновременное действие в качестве закона Свода и прежних узаконений, был временным, он был рассчитан лишь на то время, пока практика применения Свода не утвердит его как единственную форму закона. Третий же вариант, придававший Своду лишь статус внешнего руководства к указанию и лучшего познания принятых в предшеству-

ющие эпохи и сохранивших свою силу узаконений, если бы он оказался принятым, лишал всякого смысла все труды по систематизации российского законодательства, выразившиеся в создании Свода.

Общее собрание Государственного Совета, рассмотрев на заседании 19 января 1833 года вопрос о юридической силе Свода законов, признало, что «во всех отношениях полезно и достоинству Правительства соответственно издать Свод *в виде законов*, коим в решениях *исключительно* руководствоваться должны; но, дабы дать время присутственным местам более ознакомиться с изданием законов наших в сей новой форме, то на обращение их *в полную и исключительную силу* постановить двухгодичный срок и именно 1 января 1835 года». 27 января 1833 года император Николай I утвердил решение Общего собрания Государственного Совета следующей резолюцией, начертанной в журнале данного собрания: «Журнал составлен совершенно правильно, согласно моим намерениям в Совете изреченным. Свод рассылается ныне же как положительный закон, которого исключительное действие начнется с 1 января 1835 года. Руководствоваться оным ныне же дозволяется только в таком смысле, что под каждую статью означены все законы, которые до каждого предмета касаются и которые по нынешней форме судопроизводства все в приговоре или определении прописаны быть должны; но, отнюдь не вписывая собственной статьи свода, которого законная сила начинается с 1835 года»¹.

Комментируя постановление Общего собрания Государственного Совета от 19 января 1833 года, М. М. Сперанский писал: «В Совете приняты совокупно два предположения: первое и четвертое. Первое состоит в том, чтобы ввести Свод как закон. Четвертое состоит в том, чтобы в течение некоторого времени ввести его как обязательное руководство к закону, чтобы ознакомить делопроизводителей со Сводом, а потом ввести уже как закон. Первое предположение есть всегдашнее, второе временное, переходное к первому... Таким образом предложенный Совету вопрос о силе и действии Свода разрешен в Общем собрании тем, что сие действие разделено на две эпохи. *Первая* предварительная и вместе испытательная эпоха начинается с получением Свода в каждом месте и продолжается 2 года, т. е. по 1 января 1835 г. В первой эпохе Свод во всех местах употребляется как руководство. В значении руководства статьи Свода приводятся везде и во всех делах после текста; но решения в течение сей эпохи

¹ Цит. по: *Блосфельдт Г. Э.* «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных. М., 1917. С. 57.

основываются предпочтительно на тексте. В значении испытания статьи Свода подлежать будут примечаниям в том месте и в том порядке, какой для сего будет установлен. Во *второй* эпохе Свод принимается в значении закона, и статьи его одни признаются законом действующим и приводятся повсеместно как главное основание в решении дел»¹.

Казалось бы, после одобрения императором Николаем I постановления Общего собрания Государственного Совета проблема юридического значения Свода законов перестала существовать: верховная власть приняла первый вариант решения вопроса о «законной силе», согласно которому Свод становился формой закона главной, единственной и исключительной, отсрочив его введение в действие до 1 января 1835 года. Однако высочайший Манифест от 31 января 1833 года показал, что проблема юридического значения Свода не была окончательно снята Общим собранием Государственного Совета. В Манифесте подтверждалось, что «Свод имеет воспринять законную свою силу и действие с 1 января 1835 г.»². При этом специально пояснялось, что подразумевалось в данном случае под законной силой. «Законная сила Свода, — гласил Манифест, — имеет тогда состоять в приложении и приведении статей его в делах правительственных и судебных; и вследствие того во всех тех случаях, где прилагаются и приводятся законы и где или составляются из них особые выписки, или же указывается токмо их содержание, вместо того прилагать, приводить и делать указания и ссылки на статьи Свода, делу приличные»³. Придав Своду «законную силу» или, что одно и то же, — силу закона, Манифест от 31 января 1833 года одновременно декларировал сохранение юридической силы и за старыми узаконениями, на основе которых были составлены статьи Свода. Установленное в нем на сей счет правило гласило: «Как Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок, то как в случае неясности самого закона в существе его, так и в случае недостатка или неполноты его порядок пояснения и дополнения остается тот же, какой существовал доньше»⁴.

¹ Цит. по: *Блосфельдт Г. Э.* «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных. С. 52.

² Цит. по: *Сперауский М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 192.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 193–194.

Таким образом, творцы Свода законов Российской империи так и не дали окончательного, недвусмысленного решения проблемы его юридического значения¹. Решать эту проблему пришлось поэтому ученым-юристам.

Мнения русских правоведов, занимавшихся данной проблемой, разделились. Н. М. Коркунов и Е. М. Победина доказывали в своих статьях, посвященных юридическому значению Свода², что в первом своем издании (1832 г.) он представлял собой всего лишь новую форму прежних законов, но не новый закон. В обоснование этого взгляда приводились следующие аргументы: 1) цель составления Свода заключалась только в том, чтобы собрать действующие узаконения, ни в чем их не изменяя; 2) главный творец Свода — М. М. Сперанский высказывал мнение о том, что статьи Свода следует «признать законом, но не единственным и не исключительным», а в случае сомнения обращаться к «самому тексту закона»; он же противопоставлял Свод инкорпорации, проведенной Юстинианом, при которой «отменяется все прежнее, закрываются все другие источники законодательства»; 3) Манифестом от 31 января 1833 года было установлено, что, поскольку в отношении прежних законов «Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок, то как в случае неясности самого закона в существе его, так и в случае недостатка или неполноты его, порядок пояснения и дополнения остается тот же, какой существовал доныне»; 4) содержание Свода законов не обсуждалось в Государственном Совете, как это было принято для всех новых законов, вместо этого здесь рассматривался лишь вопрос о силе Свода; 5) Свод законов было предписано применять к делам, рассматриваемым после 1 января 1835 года, хотя и возникшим до этого времени; тем самым если бы Свод признали новым законом, то был бы нарушен принцип: «закон обратной силы не имеет», а это не соответствует русскому праву; 6) взгляд на Свод как на всего лишь новую форму прежних законов подразумевается словами

¹ По словам Н. И. Лазаревского, Манифест от 31 января 1833 г., призванный урегулировать вопрос «о сравнительной силе Свода и подлинных узаконений, содержит постановления весьма неясные» (*Лазаревский Н. И.* Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913. С. 621).

² *Коркунов Н. М.* Значение Свода Законов // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. С. 95–117. Данная статья опубликована также в издании: *Коркунов Н. М.* Сборник статей. 1877–1897. СПб., 1898. С. 77–96; *Победина Е. М.* К вопросу о юридической силе Свода Законов // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 4. С. 138–150. И отдельное издание: СПб., 1909.

п. 8 закона от 12 декабря 1834 года¹: «Как Свод не постановляет законов вновь, но есть только состав законов существующих...»; 7) законы, изданные после 1 января 1832 года и в Свод 1832 года не включенные, не считались отмененными Сводом, даже в том случае, когда противоречили ему; между тем, если бы Свод являлся новым законом, то по отношению к законам, изданным в период с 1 января 1832 года до 31 января 1833 года, он выступал в качестве последующего и, следовательно, отменяющего действие законов предшествующих, не согласных с ним.

Правоведы, выступавшие против взгляда на Свод законов как на всего лишь новую форму прежних законов и отстаивавшие мнение о том, что Свод законов Российской империи в первом своем издании (1832 г.) стал новым законом, заменившим собой принятые ранее многочисленные узаконения, приводили в обоснование своей позиции следующие аргументы: 1) мнение Общего собрания Государственного Совета, постановившего 19 января 1833 года «издать Свод в виде законов, коим в решениях исключительно руководствоваться должны»; 2) Манифест от 31 января 1833 года, который подтвердил за Сводом «законную силу» и пояснил, что она состоит «в приложении и приведении статей его в делах правительственных и судебных» вместо прежних законов; 3) назначение для Свода законов как даты введения в действие (1 января 1835 года), что делается обычно только в отношении новых законов; 4) мнение Государственного Совета от 30 января 1836 года, утвержденное императором Николаем I, в котором указано, что «судебным местам предписано без всякаго изъятия основывать решение свое единственно на статьях Свода»; 5) резолюция императора Николая I в журнале-протоколе заседания Государственного Совета от 19 января 1833 года, где Свод назван «положительным законом»².

Г. Ф. Шершеневич, перечислив в своей книге «Общая теория права» все подобные аргументы, сделал вывод о том, что «совокупность обстоятельств, при которых появился Свод Законов, дает возможность,

¹ Данный закон установил правила о приложении и употреблении статей Свода в производстве дел.

² Е. М. Победина отверг данный аргумент, указав, что резолюция государя, придававшая Своду силу закона, не только не была опубликована как закон, но и не была обращена к исполнению. Единственным актом, в котором могла быть определена сила Свода, должен был стать Манифест о введении его в действие. См.: *Победина Е. М.* К вопросу о юридической силе Свода Законов. СПб., 1909. С. 7–9.

почти с одинаковым успехом, отстаивать каждое из двух противоположных мнений относительно силы Свода в первом его издании»¹ (курсив мой. — В. Т.). Данный вывод опровергается тем фактом, что подавляющее большинство правоведов склонилось к одному из приведенных мнений, а именно: к точке зрения на Свод 1832 года как на новый закон, заменивший собой принятые в предшествовавшие времена узаконения. Так, в числе сторонников такого взгляда оказался и сам Г. Ф. Шершеневич², а также П. П. Цитович³, М. А. Лозина-Лозинский⁴, Н. И. Лазаревский⁵, А. И. Каминка⁶, Л. И. Петражицкий⁷, Э. Э. Понтович⁸ и др.

Мнение о том, что Свод 1832 года являлся сам по себе законом, разделял и правовед Гуго Эдуардович Блосфельдт. Обоснованию этого мнения он посвятил свою работу «“Законная сила” Свода законов в свете архивных данных», которая первоначально публиковалась в виде статей

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1995. Т. 2. С. 61.

² См.: Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань, 1898. С. 99 и сл.

³ Цитович П. П. Курс русского гражданского права. Т. 1: Учение об источниках права. Вып. 1. Одесса, 1878. С. 7–16.

⁴ Лозина-Лозинский М. А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4. С. 143–186; № 5. С. 107–173.

⁵ Н. И. Лазаревского к господствующему мнению о юридическом значении Свода законов склонила резолюция императора Николая I, гласившая «Свод рассылается ныне же как положительный закон, которого исключительное действие начнется с 1 января 1835 года». Издания Свода и его продолжений, отмечал он, «Высочайшей властью не утверждались и являлись работою административных установлений. Признание, что в случае, если закон при перенесении в Свод подвергся какому-либо изменению, то это изменение имеет силу закона, сводится к признанию, что в самодержавной России воля кодификационных учреждений была выше воли Государя. Но поскольку относительно Издания 1832 г. имеется прямое указание Государя, что этот Свод есть “положительный закон”, с этим указанием считаются и за этим Изданием Свода признают самостоятельную силу закона» (Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913. С. 621–622).

⁶ Каминка А. И. Сила Свода законов // Право. 1908. № 1. С. 6–19.

⁷ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2. С. 618 и сл.

⁸ Понтович Э. Э. Основные законы и кодификация // Русская мысль. 1910. № 7. С. 165–190.

в «Журнале Министерства юстиции», а в 1917 году вышла в свет отдельным изданием¹. «Окончательного решения по вопросу о силе и значении Свода законов наукой права еще не произнесено, — говорилось в первых строках данной книги. — Не только не составилось *communis opinio doctorum* о том, что представлял собой Свод при его обнародовании — закон ли сам по себе (по терминологии того времени — положительный закон) или только обязательный к употреблению правительственный сборник действующего законодательства, — но даже выражена была полная безнадежность попыток к научному разрешению того сомнения в силе Свода, которое, по словам одного ученого, возникши уже при самом рождении Свода, тяготеет, как злой рок, над всей дальнейшей его судьбой»².

В отличие от других правоведов, стремившихся решить вопрос о том, являлся Свод сам по себе законом или представлял собой лишь сборник действующего законодательства, посредством анализа опубликованных документов по истории этого правового памятника — и среди них главным образом текста Манифеста от 31 января 1833 года, Блосфельдт обратился к архивным материалам — прежде всего к документам Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и к личным бумагам главного творца Свода законов М. М. Сперанского. Ученый полагал, что определение силы первого издания Свода законов должно основываться не на одном Манифесте от 31 января 1833 года, а на совокупности всех юридических актов, имевшихся ко времени введения Свода в действие. Такая источниковедческая основа сделала выводы ученого весьма убедительными, тем не менее предложенное им решение проблемы юридической силы Свода законов Российской империи нельзя признать окончательным.

В своем исследовании Г. Э. Блосфельдт вышел за рамки истории создания Свода законов 1832 года: он попытался дать решение вопроса о его юридической силе и для его изданий 1842 и 1857 годов.

В русской юридической литературе и по этому вопросу высказывались прямо противоположные точки зрения. Ряд правоведов полагали, что второе и третье издания Свода, в отличие от первого, сами по себе не имели силы закона. Так, Н. И. Лазаревский писал на сей счет: «Что же

¹ Данная книга переиздана в серии «Русское юридическое наследие». См.: *Блосфельдт Г. Э. «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006.*

² *Блосфельдт Г. Э. «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных. М., 1917. С. 3.*

касается Свода последующих изданий, то их сила определяется не манифестом 31 янв. 1833 г., а указом 4 марта 1843 г. (для Второго Издания) и 12 мая 1858 г. (для Третьего Издания). По вопросу о сравнительной силе Свода и подлинных законов они точно так же не содержат никаких постановлений. Но так как эти указы не основаны на категорическом предписании Верховной власти считать Свод и этих Изданий «положительным законом», эти указы необходимым считают толковать согласно с общими началами права и признают, что Свод, как работа административного (незаконодательного) учреждения, не может иметь силы, отменяющей или изменяющей акты, утвержденные властью Государя»¹. Другие правоведы (как, например, П. П. Цитович и А. И. Каминка) не усматривали юридических различий между первым и последующими изданиями Свода законов. Они считали необходимым признать и за вторым, и за третьим изданиями Свода силу закона со дня их опубликования, полагая, что та или иная статья получала свою силу не из того закона, из которого была извлечена, но из обнародования ее в составе Свода.

Г. Э. Блосфельдт высказывал мнение о том, что вопрос о «законной силе» Свода не мог иметь одинакового решения для всех его изданий². Признавая, что первому изданию Свода и его Продолжениям была присвоена сила закона, ученый в то же время отказывал в этом свойстве Своду законов в его втором и третьем изданиях. Он считал, что юридическая сила материала указанных изданий коренилась не в силе Свода как такового, а в собственной силе каждого отдельного узаконения, полученной им при его принятии верховной властью.

Как бы то ни было, дискуссия по проблеме юридической силы Свода законов Российской империи стала еще одним доказательством, что этот правовой памятник, так же как и Полное собрание законов Российской империи, имел огромное значение для дальнейшего развития русской научной юриспруденции.

¹ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. С. 622.

² Блосфельдт Г. Э. «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных. М., 1917. С. 276.